

ПРИЗРАК СИСТЕМЫ

КНИГА ПЕРВАЯ: НУЛЕВОЙ ДЕНЬ

КОНСТАНТИН КО

ЛИТРПГ
• МОСКВА •

Константин Ко

Призрак Системы

«Автор»

2026

Ко К.

Призрак Системы / К. Ко — «Автор», 2026

Он не планировал доживать до утра. Система решила иначе 3 февраля, 03:47. Синие экраны вспыхивают у большинства населения Земли — и мир раскалывается за одну ночь. Андрей, бывший разведчик, сломленный войной и потерей семьи, сидит на кухне с бутылкой и не собирается доживать до рассвета. Экран появляется в последний момент: Государство знало о Системе заранее — списки приоритетных классов составили до её появления. На регистрацию 21 день, потом заберут силой. У Андрея есть козырь — навык : невидимость для Системы. Он может исчезнуть. Но его десятилетнему сыну уже дали класс Страж, а к семьям беглецов приходят люди в штатском. Подписать контракт — стать оружием. Сбежать — подставить детей. Остаться призраком — пока сосед не сдал за полмиллиона. Девять дней. Три выхода. Ни один не ведёт к свободе. Андрей два года учился умирать. Теперь Система учит его жить. Но чья это жизнь? Жёсткий ЛитРПГ о выборе между свободой и семьёй — и о мире, где спасение оказалось ловушкой.

© Ко К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга первая: "Нулевой день"	5
Глава 1. Синий экран	5
Глава 2. Семь дней паники.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Константин Ко

Призрак Системы

Книга первая: "Нулевой день"

Глава 1. Синий экран

Андрей Волков не собирался доживать до утра.

Не в том смысле, что он что-то планировал. Просто перестал планировать что-либо вообще — и это, как он обнаружил за последние полгода, примерно одно и то же. Когда человек перестаёт думать о завтра, завтра начинает таять само по себе. Тихо. Без объявлений. Как снег под февральским дождём.

Он сидел на кухне своей однушки в Бирюлёво и смотрел в окно. За стеклом ничего не происходило — фонарь, тротуар, чёрный силуэт припаркованной «девятки» с вмятиной в правом крыле. Андрей знал эту вмятину наизусть. Знал, в какое время гаснет третье окно в доме напротив. Знал, что в 03:30 по улице обязательно пройдёт кто-то один — всегда один, никогда двое — с пакетом из круглосуточного магазина.

Когда начинаешь замечать такие вещи, это значит, что смотришь слишком долго. И не на улицу.

Пять месяцев назад здесь было иначе. На этой кухне по утрам пахло кофе и детскими хлопьями, Наташа ругалась, что Дениска снова рассыпал их по столу, а младшая, Катька, топала по коридору в одном носке и орала, что второй кто-то спрятал. Шум, который Андрей тогда называл раздражающим. Теперь он понял, что это называлось иначе. Просто не успел разобраться вовремя.

На столе стояла початая бутылка «Пшеничной» и лежал телефон экраном вниз. Телефон он перевернул три недели назад — после того как поймал себя на том, что проверяет уведомления каждые десять минут. Наташа заблокировала его номер в ноябре. Никаких уведомлений не было и быть не могло, но руки не понимали логики — тянулись сами, по старой памяти, как тянутся к выключателю в тёмной комнате чужой квартиры.

Спина ныла. Она ныла всегда — тупо, привычно, как сосед с перфоратором, к которому уже не выходишь жаловаться. Осколок сидел в двух сантиметрах от позвоночника второй год. «Слишком рискованно», — сказал хирург в военном госпитале, и это был конец разговора, конец службы, конец одной жизни и начало другой, к которой Андрей так и не смог подобрать ключ.

Он налил. Поднял стакан. Поставил обратно.

Смотрел на него ещё минуту. Потом на фотографию на холодильнике — магнит с Черноморского побережья, они ездили туда три года назад, Дениска ещё боялся глубины, а Катька, которой было четыре, требовала, чтобы папа нёс её на плечах прямо в море. На фотографии Андрей смеётся. Он смотрел на этого человека как на незнакомца.

Часы на микроволновке показывали 03:41.

За окном прошёл кто-то с пакетом. Один. Как всегда.

Именно тогда — в 03:47, он запомнит это время навсегда, потому что потом его будут спрашивать снова и снова — именно тогда перед ним возник экран.

Не на телефоне.

Не на стене.

Прямо в воздухе. На расстоянии вытянутой руки, чуть правее бутылки. Полупрозрачный прямоугольник синеватого света, примерно с лист бумаги. Тихий, неподвижный, невозмутимый — как будто висел здесь всегда и просто ждал, когда Андрей на него посмотрит.

Буквы были чёткими. Это задело его больше всего — что буквы были чёткими, не расплывались, как всё расплывается, когда достаточно выпил. Значит, недостаточно. Значит, либо это реально, либо у него начались проблемы совсем другого рода.

СИСТЕМА ИНИЦИАЛИЗАЦИИ Биологический объект идентифицирован. Совместимость: 94.7% Инициализировать профиль?

[ДА] [НЕТ]

Долгая пауза.

— Это сколько же я выпил, — сказал Андрей вслух. Просто чтобы услышать собственный голос. Убедиться, что он ещё есть.

Голос был. Немного хриплый, немного пустой — но был.

Он смотрел на два слова. *[ДА]* и *[НЕТ]*. Простой выбор. Два варианта. Андрей за последнее полгода разучился выбирать — просто плыл по тому, что ближе, что меньше требует усилий. Водка — потому что рядом. Диван — потому что незачем вставать. Тишина — потому что незачем говорить.

Он ткнул в *[ДА]*. Не потому что решил. Просто потому что рука потянулась — снова по старой памяти.

Экран мигнул. Полоска прогресса поползла медленно, почти издевательски. Где-то за стеной сосед скрипнул кроватью — и снова тишина. Потом:

Анализ завершён.

*Имя: Волков Андрей Сергеевич Возраст: 34 Физическое состояние: удовлетворительное**

** Зафиксировано хроническое повреждение L4-L5. Адаптация предусмотрена.*

*Психологический профиль: критический**

** Зафиксировано состояние острого дистресса. Инициализация приоритизирована.*

Класс присвоен: ПРИЗРАК [редкий] Уровень: 1

Активные навыки: [Тихий шаг] — I ранг [Слабое место] — I ранг Пассивные навыки: [Терпение] — I ранг

Добро пожаловать в Реальность 2.0

Андрей прочитал это дважды.

Потом ещё раз — медленно, строчку за строчкой.

Адаптация предусмотрена.

Инициализация приоритизирована.

Не «класс присвоен». Не «добро пожаловать». Именно эти две строчки зацепили — тихо, как заноза под ногтем. Что-то огромное и безразличное посмотрело на него, увидело сломанную спину, сломанную жизнь, початую бутылку в три часа ночи, психологический профиль «критический» — и просто кивнуло: *знаем. Учили. Именно поэтому.*

Именно поэтому.

Андрей долго смотрел на эту фразу, хотя её в тексте не было. Она просто читалась между строк — в том, как Система указала его состояние не как препятствие, а как причину. Он был нужен не вопреки тому, что происходило с ним. А потому что.

Он закрыл экран жестом. Тот исчез, как не было.

Андрей сидел в тишине. Смотрел на стакан. Потом встал, взял бутылку, открыл кран и вылил остаток в раковину — медленно, не отводя взгляда, как будто проверял: изменится ли что-нибудь от этого. Поставил пустую бутылку на дно мусорного ведра. Лёг спать.

Утром он скажет себе, что это был сон.

Но утром экран всё ещё был там.

Маленький, свёрнутый, почти незаметный — висел в правом верхнем углу кухни, как иконка сообщения, которое не решаешься открыть. Андрей проснулся, увидел его первым делом — и долго лежал на спине, глядя в потолок с трещиной, которую знал наизусть.

Значит, не сон.

Он лежал и ждал, пока к нему придёт страх или паника — что-нибудь, что полагается чувствовать в такой ситуации. Ничего не приходило. Было только тихое, почти незнакомое ощущение, которое он не сразу опознал. Потом опознал.

Любопытство.

Снизу донёсся крик. Андрей узнал голос — сосед Сергей с первого этажа, сантехник пятидесяти лет, орал так, как орал только на пропущенные пенальти. Но сейчас был не матч. Андрей встал, накинул куртку поверх футболки и открыл дверь.

Сергей стоял на лестничной клетке в трусах и тапочках и смотрел на свои руки, как будто видел их впервые. Перед ним висел экран — другой, чуть меньше, другой текст. Сергей поднял взгляд, и лицо у него было такое, как у человека, которому только что объяснили квантовую физику на трёх языках одновременно.

— Ты видел?! — Он ткнул пальцем в воздух перед собой. — Написано «Мастер»! Мастер чего?! Я что — в игру попал?!

— У меня тоже есть, — сказал Андрей.

— У Люськи с третьего нет ничего, — сказал Сергей, понизив голос, как будто это был секрет. — Я уже спрашивал. Она смотрит — и ничего не видит. Говорит, что я пьяный. — Он помолчал. — Я не пьяный.

— Совсем ничего? — переспросил Андрей.

— Совсем. Смотрит прямо сквозь. — Сергей почесал затылок и добавил, уже тише: — И у Рашида с пятого тоже нет. Я его в лифте встретил, он сам сказал. Расстроился.

Андрей молчал секунду.

— Ты знаешь, сколько человек в доме?

— Семьдесят две квартиры. — Сергей пожал плечами. — Дай бог треть сейчас дома.

— Узнай, у скольких есть, — сказал Андрей. — Просто узнай.

Он вернулся к себе и закрыл дверь.

Телевизор Андрей включил автоматически — рука нашла пульт раньше, чем он успел подумать. Новости выглядели так, как выглядят новости, когда журналисты сами не понимают, что происходит, но эфир нужно заполнять. Ведущий говорил быстро и без пауз — верный признак отсутствия текста и присутствия страха.

Снизу бежала строка: *«МАССОВЫЕ СООБЩЕНИЯ О СИНИХ ЭКРАНАХ — ПСИХОЗ ИЛИ КИБЕРАТАКА? ПРАВИТЕЛЬСТВО МОЛЧИТ. ДЕТАЛИ УТОЧНЯЮТСЯ».*

Потом пошли съёмки с улиц. Люди стояли посреди тротуаров и смотрели в пустоту перед собой. Некоторые улыбались. Некоторые плакали прямо посреди улицы — тихо, растерянно, как дети, которые не понимают, почему плачут. Одна женщина в деловом костюме тыкала пальцем в воздух у светофора, что-то нажимая в невидимом меню. Рядом с ней стоял мужчина, который явно не видел ничего — и смотрел на неё с нарастающим беспокойством, потом взял за руку, она отмахнулась, не отрываясь от своего экрана.

Потом — Токио. Берлин. Нью-Йорк.

Везде одно: синие прямоугольники в воздухе, люди перед ними — и другие люди рядом, которые не видели ничего и от этого пугались, может, даже сильнее тех, кто видел.

Андрей выключил звук. Оставил картинку.

Думал об одной строчке.

Совместимость: 94.7%.

Не просто «принято» — конкретная цифра с десятичными долями. Это не порог входа, который либо преодолен, либо нет. Это измеренное значение. Кто-то заранее знал, что именно нужно мерить. Кто-то составил шкалу, выставил граничные условия, написал алгоритм, который в 03:47 ночи запустился одновременно во всем мире и начал оценивать людей — каждого из семи с лишним миллиардов — и решать, кому показывать экран, а кому нет.

Случайностей с десятичными долями не бывает.

Андрей открыл свой профиль.

[ПРИЗРАК — редкий]

Редкий. Не сильный, не слабый, не распространенный — редкий. Он провёл в армии восемь лет. Служил в разведке, два года в горах, ещё год в местах, которые официально не существовали. Он знал, что происходит с редкими вещами, когда государство о них узнаёт.

Их забирают. Всегда — вежливо или не очень, зависело от обстоятельств, от настроения, от того, насколько редкая вещь и насколько срочно она нужна.

Он закрыл профиль. Встал. Поставил чайник.

Пока вода закипала, он стоял у окна и смотрел на улицу. Москва просыпалась — медленно, растерянно, не понимая, что именно случилось этой ночью. Из соседнего подъезда вышла женщина с собакой, остановилась посреди тротуара и долго смотрела в пустоту перед собой. Собака тянула поводок. Женщина не двигалась.

У неё был экран.

Мимо прошёл мужчина в пальто — быстро, деловито, без остановки. Посмотрел на женщину, пожал плечами и пошёл дальше.

У него, очевидно, не было ничего.

Чайник закипел.

Андрей налил кружку, сел за стол и открыл госуслуги. Не потому что собирался что-то делать — просто хотел посмотреть, как быстро государство среагировало. Форма уже была. Появилась за несколько часов — поле «Класс», поле «Навыки», поле «Уровень». Снизу мелким шрифтом: *«Регистрация является обязательной в соответствии с Постановлением ... (номер в разработке)»*.

Постановление в разработке. Но форма уже готова.

Андрей смотрел на это долго.

Потом открыл второй браузер и начал искать — не новости, которые он уже видел, а другое. Форумы, чаты, первые попытки людей разобраться в том, что происходит. За несколько часов интернет уже кипел. Кто-то публиковал скриншоты своих профилей. Кто-то сравнивал классы. Кто-то считал статистику — по первым постам в крупных группах выходило, что примерно треть пишущих говорила о том, что у них или у кого-то рядом нет доступа совсем.

Треть.

Андрей закрыл браузер и снова открыл свой профиль. Смотрел на строчку совместимости.

94.7%.

Это значит — был кто-то с 94.8%. И кто-то с 60%. И кто-то, кто не дотянул до порога вообще — и смотрит сейчас на своих соседей, на свою семью, на незнакомцев на улице, которые видят что-то, чего он не видит, и не понимает: что с ним не так.

Люська с третьего этажа — медсестра, пятьдесят два года, живёт одна, кормит кошек по всему двору, никогда ни с кем не ссорится. Что с ней не так? Что такого нашла в ней эта Система, отмерив ноль процентов совместимости, и нашла в нём — сломленном, пьющем, бесполезном — почти девяносто пять?

Он не знал.

Но вопрос был правильным. Впервые за полгода у него был правильный вопрос.

Он закрыл форму, не заполнив ничего.

Встал, оделся, вышел на лестничную клетку. Постоял. Позвонил в дверь к Сергею.

Сергей открыл уже в джинсах, с телефоном в руке — листал что-то.

— Посчитал? — спросил Андрей.

— Обзвонил кого смог, — сказал Сергей. — Из двадцати трёх человек — у семи нет ничего. Ровно.

— Треть, — сказал Андрей.

— Примерно. — Сергей помолчал. — Рашид расстроился сильно. Говорит, у него вся семья видит эти экраны, а он один нет. Сидит, чувствует себя как... — Сергей подобрал слово и не подобрал. — Ну, ты понимаешь.

Андрей понимал.

— Ты зарегистрировался? — спросил он.

— На госуслугах-то? — Сергей махнул рукой. — А, забил пока. Там написано «обязательно», но постановления ещё нет. Значит, не обязательно.

— Значит, скоро будет, — сказал Андрей.

Он спустился вниз и вышел на улицу. Первый раз за трое суток.

Улица была странной.

Не потому что что-то изменилось внешне — те же дома, тот же снег, те же машины вдоль тротуара. Странной она была потому, что люди на ней вели себя по-разному, и эта разница была теперь видна с первого взгляда.

Те, у кого был экран, двигались иначе — чуть медленнее, чуть задумчивее, время от времени останавливались и смотрели в пустоту, листая что-то невидимое. Некоторые разговаривали вслух — сами с собой, с Системой, или уже с кем-то через неё, Андрей не понял. Женщина у подъезда напротив стояла и плакала — тихо, почти беззвучно, глядя в свой экран. Рядом с ней — муж или кто-то близкий — обнимал её за плечи и смотрел в ту же точку с растерянным лицом человека, который хочет помочь, но не знает, от чего.

Те, у кого экрана не было, смотрели на первых с разными выражениями: кто с завистью, кто с облегчением, кто с нарастающим раздражением.

Мир разделился этой ночью.

Ещё не понял этого — но разделился.

Андрей шёл по тротуару, засунув руки в карманы, и думал о двух вещах одновременно. Первое: государство подготовило форму регистрации раньше, чем люди успели проснуться. Форма была — постановления не было. Это называется «знали заранее». Второе: его показатель совместимости — 94.7% — был аномально высоким. Он не знал среднего по стране, но чувствовал по форумным постам, которые успел просмотреть, что большинство людей пишет цифры от 55 до 75. Один похвастался 81%. Это уже считалось высоким.

94.7% — это не просто высокий показатель.

Это значит, что Система выбрала его специально.

Андрей остановился посреди тротуара. Не потому что устал — прошёл метров сто. Просто остановился, потому что мысль, которую он гнал последние несколько часов, наконец встала перед ним прямо и никуда не собиралась уходить.

Система появилась в 03:47 ночи. В момент, когда он сидел с початой бутылкой и смотрел в окно, и не планировал ничего. Совсем ничего.

Она появилась именно тогда. И строчка «инициализация приоритизирована» была не случайной.

Что-то огромное выбрало его. Сломленного, пьющего, никому не нужного — выбрало с показателем 94.7%, выдало редкий класс и написало «адаптация предусмотрена».

Вопрос был не «что это такое».

Вопрос был — *зачем именно он.*

И вторая часть этого вопроса, которую он не успел себе задать, но которая уже формировалась где-то на краю сознания: *кто ещё об этом знает?*

Он вернулся домой.

Поднялся к себе, сел за стол, открыл ноутбук и снова зашёл на госуслуги. Форма ждала. Поле «Класс», поле «Навыки», поле «Уровень».

Андрей открыл свой профиль в Системе рядом. Сравнил.

Навыки, которые он видел у себя: *[Тихий шаг]*, *[Слабое место]*, *[Терпение]*. Три навыка. Он провёл час на форумах — достаточно, чтобы понять: при инициализации большинство получает два-три навыка стандартных классов. Редкие классы обычно дают четыре.

У него было три.

Три из четырёх.

Андрей закрыл оба окна. Встал. Пошёл на кухню, поставил вторую кружку чая — потому что первая давно остыла, пока он смотрел в экран и думал о вещах, которые ещё час назад не существовали в его жизни.

Где четвёртый навык?

Либо Система его скрыла.

Либо он появится позже.

Либо — и эта мысль была самой неудобной из трёх — он уже есть, но Андрей его не видит. Потому что именно такие навыки и не показывают. Тем, от кого хотят, чтобы они не знали.

Он смотрел на остывающий чай и думал о том, что форма регистрации на госуслугах уже ждёт. И что заполнять её нужно честно — так написано в инструкции. Все навыки, все характеристики.

Все.

Андрей отодвинул кружку. Взял с полки блокнот — давно не трогал, страницы пожелтели по краям — и написал от руки три слова:

Что они знают?

Подчеркнул. Перевернул блокнот. Лёг на диван и уставился в потолок.

За окном Москва шумела — растерянно, взбудораженно, не успев ещё понять, что именно произошло этой ночью. А Андрей лежал и думал о том, что восемь лет назад его учили одному простому правилу: прежде чем сделать шаг, пойми, кто уже смотрит в твою сторону.

Кто-то смотрел. Он это чувствовал так же ясно, как чувствовал осколок в спине — всегда, тихо, без возможности забыть.

Разница была в том, что осколок он не выбирал.

А вот *[ДА]* — нажал сам.

Глава 2. Семь дней паники.

Москва не умела молчать.

Это Андрей понял ещё в первые часы — город слишком большой, слишком плотный, слишком привыкший к тому, что любое событие немедленно становится чьей-то личной историей. Здесь не было расстояния между новостью и человеком, между тем, что случилось где-то, и тем, что случилось прямо сейчас у тебя под окном. Москва всегда реагировала всем телом — резко, громко, не думая.

Но на этот раз что-то было иначе.

Первые часы — да, был шум. Звонки, крики на лестничных клетках, сирены где-то вдалеке, гудение машин, которые встали в пробках, потому что водители останавливались прямо посреди дороги и смотрели на свои экраны. Но потом, ближе к полудню первого дня, шум стал другим. Тише. Плотнее. Как бывает перед грозой, когда воздух сгущается и птицы перестают петь — не потому что уже страшно, а потому что ещё непонятно.

Андрей наблюдал за этим из окна.

Он не вышел на улицу снова после утреннего обхода. Не потому что испугался — страх, как выяснилось, куда-то делся вместе с остальными эмоциями, которые он последовательно потерял за полгода. Просто смотреть из окна было информативнее, чем стоять внизу в толпе. Старая армейская привычка: сначала наблюдай, потом двигайся.

Он наблюдал.

И то, что видел, ему не нравилось.

День первый. Среда.

К вечеру первого дня стало ясно несколько вещей.

Первое: правительство молчало намеренно. Не потому что не знало — первое официальное заявление вышло только через шесть часов после инициализации, и было составлено слишком гладко, слишком выверенно для текста, написанного в панике. Такие тексты пишут заранее. Пресс-секретарь говорил спокойно, чуть медленнее обычного, делал паузы в нужных местах: *«Ситуация находится под контролем. Граждан просят сохранять спокойствие и воздержаться от распространения непроверенной информации»*. Классическая формула. Андрей слышал её вариации много раз — обычно она означала ровно противоположное тому, что говорилось.

Второе: интернет кипел, но бессистемно. Тысячи постов, тысячи скриншотов, тысячи версий — от «это инопланетяне» до «это Пентагон» до «это глюк в воде». Среди этого шума Андрей искал конкретное: цифры совместимости. Люди делились своими показателями охотно — кто-то гордо, кто-то с тревогой, кто-то со злостью. За три часа он собрал в блокнот около ста значений из разных городов и стран.

Средний показатель по собранной выборке: 62.4%.

Его показатель: 94.7%.

Разрыв был больше, чем он думал.

Третье — и это задело его неожиданно сильно: среди постов начали появляться сообщения от людей, у которых не было ничего. Не просто «у меня низкая совместимость» — а совсем ничего, ноль, пустота. Они писали по-разному: кто-то растерянно, кто-то с попыткой юмора, кто-то — и таких становилось больше с каждым часом — с нарастающей злостью. *«Объясните мне, чем я хуже»*, — написал кто-то из Екатеринбурга. Пост собрал тысячи лайков за несколько минут.

Андрей закрыл ноутбук. Встал. Прошёлся по квартире — от кухни до комнаты, от комнаты до кухни, четыре шага туда, четыре обратно. Спина ныла. Он не обращал внимания.

Чем я хуже.

Правильный вопрос. Очень правильный. И то, что у него не было ответа, означало не то, что ответа не существует. Означало, что его знает кто-то другой.

День второй. Четверг.

На второй день Сергей снизу постучал в дверь в восемь утра с планшетом в руках и видом человека, который не спал.

— Слушай, — сказал он, протягивая планшет, — ты смотрел статистику по классам?

Андрей смотрел. Не всю — хватало времени только на то, что казалось важным.

— Краем глаза.

— Там закономерность. — Сергей ткнул пальцем в экран. — Силловые классы — воин, страж, берсерк — у молодых мужчин, в среднем до тридцати пяти. Поддержка — целители, маги щита — у женщин, причём разных возрастов. Маги атаки — хаотично, без паттерна. А классы типа твоего, редкие — их почти никто не публикует. Или не знают, что редкий, или скрывают.

— Или их мало, — сказал Андрей.

— Или их мало, — согласился Сергей. — Я нашёл в открытом доступе только одиннадцать упоминаний редких классов за двое суток. По всему интернету. Одиннадцать на, что, семь миллиардов человек?

— Не все делятся.

— Не все. Но если их хотя бы в сто раз больше, чем видно — это всё равно очень мало. — Сергей помолчал. — Я к чему. Если государство делает реестр обязательным и знает, у кого редкие классы — что с этими людьми будет?

Андрей не ответил. Забрал планшет, посмотрел на цифры, вернул.

— Откуда у тебя это всё? — спросил он.

— Я сантехник, — сказал Сергей с неожиданным достоинством. — У меня полдома клиентов. Я спрашиваю.

Андрей посмотрел на него по-другому. Сосед, которого он знал три года и не знал совсем, оказывался человеком, умеющим собирать информацию. Полезное качество.

— Продолжай спрашивать, — сказал Андрей.

На второй день произошло первое столкновение.

Андрей узнал о нём из новостей — коротким сюжетом, который почти сразу убрали из эфира, но скриншоты разлетелись по сети быстрее, чем их успели удалить. В Москве, на Таганке, группа людей без доступа к Системе заблокировала вход в торговый центр. Не агрессивно — просто встали и не пустили. Требовали объяснений: почему у одних есть, у других нет, кто решил, что это справедливо. Охрана вызвала полицию. Полиция приехала — и выяснилось, что половина наряда видит экраны, а половина нет. Что именно произошло дальше, в сюжете не показали.

Но слово уже появилось.

Не в официальных новостях — там его старательно избегали. В сети, в комментариях, в постах, которые набирали тысячи репостов за минуты. Простое слово, которое кто-то написал первым, и которое немедленно прилипло, потому что точно описывало то, что происходило:

Разделение.

Андрей написал его в блокноте под вопросом «что они знают?». Обвёл.

День третий. Пятница.

На третий день позвонил Генка.

Андрей смотрел на экран телефона и думал: не отвечать, как обычно. Руки привычно потянулись к кнопке сброса. Потом он вспомнил, что Генка — бывший разведчик, восемь лет в том же подразделении, что и он, уволился раньше по собственному. Умный. Осторожный. Если звонит — значит, есть причина.

Он взял трубку.

— Живой, — сказал Генка вместо приветствия. Голос ровный, без лишних эмоций — так разговаривают люди, которые умеют держать лицо в любой ситуации.

— Живой, — подтвердил Андрей.

— Видел новости?

— Смотрю.

— Не те новости. — Пауза. — Есть закрытые каналы. Ты не в курсе, потому что давно не в теме. Слушай внимательно: реестр, который они делают — это не учёт. Это отбор.

Андрей ничего не сказал. Ждал.

— У тебя какой класс?

— Призрак.

Молчание на другом конце было коротким, но Андрей его почувствовал.

— Редкий?

— Редкий.

— Не регистрируйся, — сказал Генка. — Пока не регистрируйся. Я перезвоню.

Звонок оборвался.

Андрей сидел с телефоном в руке и смотрел на экран Системы в углу комнаты. *Отбор.* Слово легло на уже сложившуюся картину — точно, как последний кусок мозаики, который сразу делает видимым весь рисунок.

Реестр появился за несколько часов. Постановления ещё не было — но форма уже была. Это значит, что кто-то писал её до инициализации. Что кто-то знал не просто о том, что Система появится — но и о том, что она создаст классы, и что классы будут разными, и что среди них будут редкие. И этому кому-то нужны были люди с редкими классами — достаточно нужны, чтобы готовить механизм учёта заранее.

Отбор.

Андрей открыл ноутбук и удалил историю браузера. Не из паранойи — из привычки. Потом посмотрел на незаполненную форму на госуслугах и закрыл вкладку.

День четвёртый. Суббота.

Правительство заговорило по-настоящему на четвёртый день.

Не пресс-секретарь — сам. Обращение транслировали на всех каналах одновременно, в прайм-тайм, с государственной символикой и торжественной постановкой. Андрей смотрел и слушал внимательно — не содержание, которое было предсказуемым, а то, как говорили. Темп. Паузы. Что выделяли, что проглатывали.

Ключевые тезисы:

Система — явление планетарного масштаба, зафиксированное одновременно во всех странах мира. Российское правительство находится в постоянном контакте с международными партнёрами. Феномен изучается лучшими учёными страны. Гражданам гарантируется безопасность и равный доступ к информации.

Равный доступ. Андрей мысленно отметил эту фразу. Её не расшифровали. Не объяснили, что именно «равный» и что именно «доступ» — просто произнесли, дали ей прозвучать и пошли дальше.

Про тех, у кого не было Системы совсем, — ни слова. Ни одного.

Зато отдельным блоком — регистрация. Добровольная, подчеркнули дважды. Пока добровольная. Но «крайне рекомендуемая» — для безопасности самих граждан, для формирования полной картины происходящего, для координации в случае чрезвычайных ситуаций.

Пока добровольная.

Андрей написал это в блокноте. Рядом с «разделением» и «отбором».

Потом написал ещё одно слово, которое пришло само: *дедлайн.*

Они дадут срок. Недели две, может три — для видимости добровольности. Потом срок истечёт, и «крайне рекомендуемая» станет «обязательной» без лишнего шума, просто через подзаконный акт или ведомственный приказ, который появится в пятницу вечером и вступит в силу в понедельник утром. Это стандартная схема. Андрей видел её много раз в других контекстах.

Вопрос был не в том, случится ли это.

Вопрос был в том, сколько у него времени.

День пятый. Воскресенье.

На пятый день в дверь постучала Людмила Ивановна с третьего этажа — та самая Люська, у которой не было ничего.

Андрей открыл дверь и удивился: выглядела она не так, как он ожидал. Не растерянно и не подавленно — собранно. В руках держала папку с бумагами, как человек, пришедший на деловую встречу.

— Андрей, я к тебе по делу, — сказала она. — Ты не занят?

— Заходи.

Она прошла на кухню, села, положила папку на стол, но не открыла.

— Я узнала, что ты видишь эти экраны, — сказала она. — И что у тебя какой-то особый класс. Сергей сказал — я не спрашиваю деталей, не моё дело. Но я хочу тебя спросить кое-что другое.

— Слушаю.

— На нашей работе, — она была медсестрой в районной поликлинике, — сегодня было собрание. Главврач сказал, что с понедельника пациентам будет предложено выбирать врача с учётом... — она сделала паузу, подбирая слова, — с учётом «уровня интеграции с Системой». Так он это назвал. То есть пациент может попросить врача с классом. Или без. Но по умолчанию будут направлять к тем, у кого есть.

Андрей молчал.

— У нас в отделении семь медсестёр, — продолжала она. — Трое без Системы, в том числе я. Главврач сказал, что нас это «не касается», что нас «не трогают». Но в интонации было другое. — Людмила Ивановна посмотрела ему в глаза. — Андрей, это же незаконно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.